

Между «славянской идеей»
и московской картиной мира:
случай Юрия Крижанича

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена «славянской идее» писателя XVII в. Юрия Крижанича. Будучи по рождению хорватом, он работал в различных государствах и в Москве. Здесь он написал фундаментальное сочинение «Политика». Используя поздние русские исторические компиляции, Крижанич сформулировал очередную версию «славянской идеи». Чтобы реализовать «славянскую идею», русское государство должно быть могущественным. Чтобы быть могущественным, оно должно придерживаться изоляционизма. В статье автор стремится доказать, что эта версия «славянской идеи» испытала воздействие московской картины мира.

Ключевые слова: Юрий Крижанич, «славянская идея», картина мира, Книга, глаголеемая летописец, изоляционизм

Для цитирования: Одесский М.П. Между «славянской идеей» и московской картиной мира: случай Юрия Крижанича // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 9. С. 50–61. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-50-61

Between the “Slavic idea”
and the Moscow picture of the world:
the case of Juraj Križanić

Mikhail P. Odesskiy

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the “Slavic idea” of the writer of the 17th century Juraj Križanić. Being a Croat by birth, he worked in various states and in Moscow. Here he wrote the fundamental essay “Politics”. Using the late Russian historical compilations, Juraj Križanić formulated specific version of the

“Slavic idea”. To realize the “Slavic idea”, the Russian state must be powerful. To be powerful, it must adhere to isolationism. In the article, the author seeks to prove that this version of the “Slavic idea” was influenced by the Moscow picture of the world.

Keywords: Juraj Križanić, “Slavic idea”, picture of the world, late Russian historical compilations, isolationism

For citation: Odesskiy, M.P. (2022), “Between the “Slavic idea” and the Moscow picture of the world: the case of Juraj Križanić”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 50–61, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-9-50-61

Делом жизни Юрия Крижанича (1618–1683) – хорвата, которому пришлось работать в различных государствах, в частности в Московском царстве – стала «славянская идея» [Гольдберг 1963, с. 388]. Но она, конечно, не была его изобретением.

Прежде всего Крижанич был «профессионально» связан с церковной унией, начиная еще с обучения в римском Коллегиуме св. Афанасия, находившемся в ведении Конгрегации пропаганды веры и готовившем миссионеров-униатов. Можно предположить, что для Крижанича единение славянских народов базировалось именно на единстве христианских конфессий. Однако Крижанич, который лично – вопреки постоянному давлению в Москве – так и не согласился на перекрещивание, в сочинениях, где он увязывал «славянскую идею» с Русским государством, вполне обходился без унии: создается впечатление, что по отношению к всеславянской идее уния играла для него служебную роль.

Крижанич – хорват, а интеллектуалы Дубровницкой республики и других центров этого региона создали миф «Иллирии» (некогда провинции Римской империи), доказывая, что «славянские племена Балканского полуострова составляют единую “иллирийскую нацию”» [Гольдберг 1963, с. 376–377].

Так, дубровницкий бенедиктинский монах Орбини написал трактат «Славянские царства» (на итальянском, 1601). Ссылаясь на разнообразные источники, Орбини утверждал, что «народ Славенской» «возимел первоначалие» от Иафета; Иафет, «большии (так!) сын Ноев... поселился во Азии перво»; затем славяне населили Север, Скандинавию, а позднее, когда их стало больше, продолжили свои походы и миграции¹. По словам А.Л. Гольдберга, «труд Орбини,

¹Орбини М. Книга историография початия имене, славы и разширения народа славянского. М.: Белые альвы, 2010. С. 2–3.

содержавший много материала о славянских связях в давние времена, способствовал распространению идеи о единстве всех славян» [Гольдберг 1963, с. 379]. Закономерно, что при Петре I трактат Орбини, рисовавший заманчивую историко-географическую панораму (пусть научно сомнительную) и укреплявший международный престиж славянства, перевели в России и напечатали (1722 г., усилиями выходца из Дубровника С.Л. Владиславича-Рагузинского).

Подобно представителям илирийского славизма, Крижанич остро переживал подчиненность своего народа туркам, немцам и итальянцам. Его лингвистическая концепция, как отметил Н.И. Толстой, была определенно мотивирована ситуацией южнославянских народов [Толстой 1998, с. 250].

Вместе с тем в текстах Крижанича, насколько известно, нет прямых ссылок на писателей-«илирийцев». Более того, в московский период апелляция к «илирийской» модели или к церковной унии была бы, очевидно, несовместима с соображениями уместности и убедительности².

Главным итогом московского пребывания Крижанича и, наверное, всего его творчества можно назвать знаменитый трактат «Политика», который преимущественно рассматривается в данной статье. Это сочинение сохранилось в единственном списке – аккуратном автографе, в который, однако, Крижанич активно вносил исправления³. Первоначально оно именовалось «Беседы о правлении» (*“Razgowori ob wladatelistwu”*), потом в результате добавлений и правки заглавие изменилось. «Политика» не предназначалась для распространения, но известно, что с ней был знаком Сильвестр Медведев, в 1670–1680-е гг. близкий к царскому двору. «Политика» написана на «искусственном, созданном самим Крижаничем “славянском языке”» (с. 479). Потому даже в научных изданиях – при всех попытках сохранить и передать особенности его языка и авторского стиля – текст дается в переводе.

Трактат композиционно построен как сочетание авторского изложения и диалога (ср. в заглавии – *Razgowori*); его ведут Борис (русский) и Хервой (хорват). Когда Борис говорит: «Не годится нам самих себя оговаривать и ругать. Плоха та птица, что сама свое гнездо поганит», Хервой отвечает:

²О пересечениях Крижанича с различными кругами, причастными к формированию славянской идеи, и об оригинальности его позиции см. в обстоятельной работе: [Golub 1986, с. 440–442].

³*Крижанич Ю.* Политика / Подгот. В.В. Зеленина; пер. и коммент. А.Л. Гольдберга. М.: Новый свет, 1991. С. 475–481; далее страницы указываются в скобках в тексте статьи.

Правильно ты замечаешь. Чужеземцам я бы таких слов не говорил, а, напротив, старался бы всячески скрыть и утаить от них наши недостатки. Но мы сами между собой не должны замалчивать общего зла и самих себя обманывать, так же как не годится таить от врага рану, если хочешь, чтобы он ее исцелил (с. 189).

В кругу католических пропагандистов унии Крижанич воспринимался как человек ненадежный, не совсем свой. «Политика» занимает позицию, так сказать, *пограничную* – в смысле не беспристрастности, а принципиального учета собственной иномирности.

Действительно, хотя Крижанич может быть безусловно отнесен к миру русской культуры XVII в. – общался с российскими интеллектуалами (Ф.М. Ртищев, Б.И. Морозов, Алмаз Иванов, Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Николай Спафарий), обращался к тем же социальным проблемам, – он скорее привлекал внимание к культурным границам *своего* (русского) / *чужого* (иностранныго), знакомил Запад с русскими, а русских – с Западом.

Соответственно, основная задача данной статьи – анализ воздействия той картины мира, которая сложилась в Москве Алексея Михайловича, на «славянскую идею» Крижанича.

* * *

Если в Риме Крижанич издал «Кириллову книгу», свидетельствующую о враждебном отношении Москвы к католицизму, то в «Политике» с завидной обстоятельностью, но негативно реферировал сочинения иностранцев о России.

Хорват отмечал возросший интерес Запада к Московскому государству, «столь огромному и сильному королевству»:

Об остальном нашем славянском народе (то есть о поляках, хорватах, сербах) мало что пишут другие народы, а только язвят их обидными пословицами, как мы уже говорили выше. <...> Лишь о русском народе и об этом преславном государстве написали не одну, а множество особых книг, потому что страна эта отдалена от европейских народов, и вещи эти им менее известны, и потому что Бог по своему милосердию недавно изволил возвысить здесь столь огромное и сильное королевство, каким оно является ныне (с. 181–182).

Крижанич не принял распространенного мнения западных авторов о московской руси. Ему, католику, особенно ненавистны протестанты (ученый и дипломат из Шлезвиг-Гольштинского герцогства Адам Олеарий и другие), которые «напрасно думают много

плохого о нашем народе» (с. 183). Автор-католик (императорский посол Сигизмунд Герберштейн, иезуит Антонио Поссевино) Крижанич выделял, ведь «те никаких ругательств и клеветы не пишут» (с. 182). Но – вспоминая Хервоя – не следует слушать иностранцев, а недостатки, свойственные славянам и русскому народу, должно обсуждать «между собой», не замалчивая зла и самих себя не обманывая.

Самое опасное зло, которому автор «Политики» призывает русь (и всех славян) противостоять и для которого вычеканил специальное понятие, – это «чужебесие» («ксеномания»), одержимость *чужим* / иностранным (ср. антоним «чужепудие», изгнание чужих):

...наше чужебесие или глупость, из-за которой [мы] терпим, что чужеземцы властвуют над нами, и обманывают нас всеми способами, и делают с нами все, что они хотят. Именно из-за этого, а не из-за чего иного нас называют варварами (с. 165–166).

Московская русь, считает Крижанич, может гордиться своей могущественной государственностью:

...в сие время Бог по своему милосердию и щедрости вознес на Руси славу, силу и величие славянского королевства так высоко, что в прошедшие века у нашего народа никогда не бывало столь славного королевства (с. 136).

Тем бдительней надо опасаться «чужебесия»: «Лучше всего было бы нам, славянам... попросту никак не знаться и не общаться с чужестранцами» (с. 233–234).

Акцентированная установка на отторжение *чужого* (неславянского) лежала в основе обширной программы мероприятий, которую Крижанич предложил царю Алексею Михайловичу. Среди прочего он рекомендовал «совершенно избежать и навеки избавиться» от браков с иностранцами (с. 234). А еще – остерегаться военных союзов с другими державами:

У греков и римлян издавна были мирские политические причины для вражды. И эти мирские причины они лживо и злобно выдают за духовные, и одна сторона (для пущего позора) выдумывает у другой ереси, если их и нет. А мы, не разбираясь в этом, идем за ними и убиваем друг друга без конца и без меры (с. 194).

Другими словами, Крижанич осуждает славянские народы за то, что они втянулись в борьбу православных («греков») и като-

ликов («римлян»), которая – утверждал выученик Коллегиума св. Афанасия! – «нас»/славян не касается⁴.

Программа реформ получила у Крижанича языковую проекцию. Косвенно признавая сомнения иностранцев в храбрости московской руси, призывал в том числе так исправить положение:

Для [умножения] храбрости было бы полезно, чтобы наши воины считали и верили, что наш народ не уступает ни одному народу в воинской доблести и храбрее многих. Но этому убеждению очень мешает употребление чужих слов в воинском деле. <...> Ведь когда воины слышат, как все ратные вещи называются иноязычными именами, они начинают представлять себе чужие народы чрезмерно храбрыми, а себя и свой народ – недостаточно храбрыми (с. 115–116).

Чтобы воспитать народную храбрость, надо, избавившись от заимствований из западных языков, использовать исключительно славянские слова (с. 115–116).

Наконец, следуя своему утопическому подходу, Крижанич предлагал заменить титул русского государя – с «царя» на «ко-роля»:

А титул «царь» или «цесарь» не означает никакой власти, ни почета, а является прозванием рода Юлия, ибо этот первый римский самодержец был родом из римских бояр, и жил под властью граждан или римского общевладства (республики. – М. О.), и носил имя Юлий и родовое прозвание Цесарь (а по-нашему – «царь») <...> А королем он был бы и рад назваться, но не смел [этого сделать], ибо не смог до конца уничтожить общевладство. Таким образом, титул «король» древнее и почетнее титула «царь» или «цесарь» <...> (с. 385–386).

Для автора «Политики» «царь» («цесарь») – явное заимствование из *чужой*, римской истории, а слово «король», которое принято у славян (видимо, здесь воздействовали южнославянские ассоциации), – культурно нейтральное и более древнее (так!).

Величие руси (и всех славян) требует как исконно *своей* славной и могущественной династии, не связанной кровно с иностранными дворами, так и подобающего монаршего титула, не калькирующего бездумно западную традицию.

⁴Возведя изоляционистский подход в общую теорию, автор «Политики» добавил к классическим «испорченным» государственным формам Аристотеля новую – «чужевладство» (власть иностранцев), которая, по его мнению, страшнее тирании (с. 295).

Подтверждение своего взгляда на русь, противостоящую «чужебесию», Крижанич нашел в этногенетическом мифе из русской летописной традиции. В первую очередь в «Книге, глаголемой Летописец великия земли Российския славянскаго языка», одной из распространенных в XVII в. компиляций⁵. Работая с этим источником, – вторичным и случайным, – Крижанич отделял, как ему казалось, основы русской культуры от мифов, разоблачая последние.

Хорватский странник разбирается с «баснями, что были выдуманы и вписаны в народную историю льстецами и придворными баятелями царя Ивана и иных русских государей» (с. 373). Прежде всего имеются в виду «басни», «будто бы наш славянский народ произошел от скифского племени или будто скифы были нашими предками и прародителями», и о жалованной грамоте царя Александра «славянским князьям (Великосану, Асану и Авесхасану)» (с. 373). К «басням» он отнес и легенду об иноземном происхождении правящей династии – о призвании Гостомыслом на княжение из «Варяжской Прусской земли» «тамошних самодержцев-курфюрстов, ведущих род от кесаря Августа» (с. 379). Крижанич считал родословие Рюриковичей вымышленным, как и фигуру Гостомысла, имя которого для него символизирует «чужебесие»:

Борис: Значит и весь этот Гостомыслов совет выдуман? Хервой: Как же не выдуман? Ведь никто не знает ни отца, чьим сыном был Гостомysl, ни времени, когда он правил, ни дел никаких, которые он делал. Осталась только эта написанная о нем повесть, для которой и придумано это имя «Гостомysl» – тот, кто замыслил пригласить на Русь гостей. Сам сочинитель думал тогда о гостях и, размышляя, как назвать выдуманного им советчика, назвал его Гостомыслом (с. 377–378).

Крижанич отвергал все, по его мнению, *чужое* в истории руси. Порочность этих «басен» автор «Политики» видел в том, что они ставят под сомнение автохтонность руси и исконность, чистоту крови их правителей, а родство руси и славян со скифами, по Крижаничу, и вовсе предосудительно, ведь скифы – это «татары и турки... наш славянский язык так отличается от татарского, что большей разницы и быть не может» (с. 373–374).

Особенно антипатична Крижаничу была идеологема «Москва – Третий Рим», потому что она делала русскую государствен-

⁵См. публикацию другой компиляции XVII в., схожей по содержанию – «История еже о начале Руския земли»: *Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск: Наука, 1994. С. 203–209.

ность сопричастной эсхатологическим пророчествам и навлекала Божий гнев:

...не друг нам тот, кто зовет наше королевство “Третьим Римом”. Такой [человек] не желает нам ни удачи в делах, ни добра, а желает гнева Божьего, разорения и всякого зла (с. 389).

В качестве достойного и достоверного Крижанич противопоставил «басням» – «Сказание о Словене и Русе», также включенное в «Книгу, глаголемую Летописец» (и другие летописные сочинения и сборники). «Сказание о Словене и Русе» излагало события так: Скиф и Зардан – праправнуки Ноя и правнуки Иафета – заселили Причерноморье; к роду Скифа принадлежали братья Словен, Рус, Болгар, Коман, Истер; Словен и Рус мигрировали на север (в земли будущей России):

И инии градки многи Словен и Рус поставиша. И от того времени по именом князей своих и градов их начахуса звати людие сии словяне и руси⁶.

Сведения о скифах, как уже указывалось, для Крижанича – враждебная «басня», но о Словене и Русе – истина, мотивирующая достоинство славян и руси их происхождением от почтенных родоначальников:

Лучше и полезнее было бы следовать истине и считать, что наш язык так же стар, как и иные первоначальные народные языки, и был создан Богом при разделении языков. И тогда жил наш праотец – Словен, так же как и родоначальники иных народов, и наш народ произошел от него, а не от иного народа (с. 380).

Помня о своей преемственности от потомков Ноевых – Словена и Руса, – русские должны избавиться от «чужебесия», ведь они издревле живут в своих землях и равны прочим народам.

Более того, Крижанич в сочинении «Граматиčno izkazanje ob Руском језику» утверждал, что русь как народ – начало всех славян: «въ нашем народу» для всех шести основных «льудств» (народов) и языков (русский, ляхский, чешский, болгарский, сербский, хорватский) «зачално јест льудство и јме Руско»⁷.

⁶Цит. по: Ромодановская Е.К. Указ. соч. С. 203–205.

⁷*Križanič J. Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku 1666. München: Verlag Otto Sagner, 1976. S. I.*

В «Политике» Крижанич возмущался тем, что «...при переводе церковных книг наш язык был окончательно испорчен и выбит из своей колеи» (с. 152). Славянский язык ни в чем (и исторически тоже) не уступает греческому (как видно, католик-хорват, связанный с униатской миссией, с неизменной антипатией относился к грекам, видя в их «православном» влиянии источник многих бед русского народа): регламентировать славянский язык правилами греческого недопустимо (ср.: «А про превод светих божьих и црковних книг, које нам преведоше Греки, что речем?»⁸), а надо – следовать своим правилам, точнее – (вос)создать правила исконного славянского языка. Так это пытался сделать сам Крижанич даже на практике, в том числе в «Политике».

Отстаивание исторического приоритета «*москворуссов*» в семье славянских народов обусловило принципиальное расхождение Крижанича с интеллектуалами-«могилянцами». И хотя хорват с уважением отзывался, например, о Епифании Славинецком или Симеоне Полоцком, «Граматиčno izkazanje» девальвировало языковую практику их школы:

Сице же и по јиих Кијевских књигах все полно јест такoвих наказ и мерзoстей, коих нист возможно чест, сгњуси и без возрушешенја желудца на бљуванје... нист чудо, јеже Билорусјани из калног студенца черпајуци, немогут нам подат чиста напоја⁹.

Получается, что если «опыт языка» Крижанича (выражение Н.И. Толстого [Толстой 1998, с. 250]), базирующийся на первоначалии русского языка среди славянских, – корректен, то «билорусјани», не принадлежа к основным «льудствам» и ошибочно ориентируясь на киевские книги, угрожали чистоте изначального всеславянского языка.

Языковой аспект был одним из центральных, но не единственным выражением общей полемики Крижанича с «могилянцами». Те были связаны с Никоновской книжной справой, хорват же считал ее главным источником языковой «шатости»:

...шатост која се јест учинила дљаради књижних преводов¹⁰.

При этом, критикуя реформы патриарха Никона, Крижанич отнюдь не солидаризировался со старообрядцами: они для свя-

⁸ *Križanič J. Gramatično izkazanje ob ruskom jeziku 1666. S. IV.*

⁹ *Ibid.*

¹⁰ *Ibid. S. V.*

щенника-католика были не просто «невеждами» (как для киевлян) и уж никак не защитниками и оплотом русской религиозной традиции, но преступными нарушителями церковной дисциплины, вдобавок сходящимися с протестантизмом (см. «Обличение на Соловецкую челобитную»).

Столь же глубокими были различия Крижанича и «могилянцев» по отношению к государству. «Могилянцы» акцентировали пред-имперский характер Русского государства, который оно обрело после включения в его состав некоторых земель Малой и Белой России, а еще раньше – Казанского и Астраханского ханств, успешно занимались идеологическим оформлением пред-имперского государства, воспроизводя соответствующие западноевропейские образцы. Напротив, Крижанич объявлял эти «злосчастные» пропагандистские приемы позорными и опасными для исконной этнокультурной идентичности северо-восточной руси, а за точку отсчета брал ее автохтонность, выражающую себя в эффективном и славном государстве, которое обслуживается посредством собственного, *своего* дискурса.

Современные исследователи склонны анахронистически интерпретировать концепцию Крижанича в контекстах моделей XIX в., в том числе идеологии «славянской взаимности» чешских и словацких будителей, отстаивавших историческое и национальное достоинство западных славян и апеллировавших к величию России. Такого рода интерпретации «из будущего», разумеется, методологически ненадежны, но зато существующая типологическая близость модели Крижанича к «славянской взаимности» подтверждает давнее наблюдение слависта Луи Леже: идея объединения славян для совместных политических действий вышла не из Московского государства, а «появилась впервые у небольших народов (славянского. – М. О.) Запада»¹¹.

* * *

Итак, славянское единство – своего рода сверхидея Крижанича – коннотировалось у него с церковной унией и иллиризмом, но в «Политике» оно получило новое, специфическое оформление. *Пограничная* позиция Крижанича, предполагавшая интеграцию московской руси и славян в единую семью европейских народов на равных с другими народами основаниях / в общеевропейскую систему исторических координат, парадоксально обернулась установкой на изоляционизм руси. Согласно автору «Политики», упования славянских народов обращены к Москве постольку, поскольку та

¹¹ Leger L. Nouvelles études slaves. Paris: Ernest Leroux, 1880. P. 1.

образовала великое «королевство», признанное другими народами, свободное от их власти и могущественное. Его и следует возвращать и пестовать, борясь с «чужебесием» и в то же время исправляя недочеты и недостатки, подмечаемые иностранцами, но злонамеренно ими толкуемые. Программа эффективного исправления и идеологического оформления Русского государства может быть сформулирована тем, кто способен взглянуть на Русь со стороны, будучи в то же время на ее стороне, ведь он славянин – *свой* для Руси.

Славе Русского государства в XVII в. соответствует и славное прошлое народа; его Крижанич поверяет этногенетической конструкцией о первопредках Словене и Русе из отечественного «Сказания» о них. Коль скоро русь осознает свою генеалогическую преемственность от начала мира, она не нуждается в усвоении *чужого* и любой исторической легитимации через *чужие* традиции, тем более в одобрении извне. Напротив, по мнению автора «Политики», насущная задача руси – как народа автохтонного и первоначального в славянском мире – состоит прежде всего в попечении и защите собственного государства, маяка и надежды всего славянства. Другими словами, воздействие московской картины мира привело к парадоксальному итогу: чтобы реализовать «славянскую идею», русское государство должно быть национальным по интересам и символическому оформлению.

Литература

- Гольдберг 1963 – Гольдберг А.Л. «Идея славянского единства» в сочинениях Юрия Крижанича // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 373–390.
- Толстой 1998 – Толстой Н.И. Избранные труды. Т. II: Славянская литературно-языковая ситуация. М.: Языки славянских культур, 1998. 542 с.
- Golub 1986 – Golub I. The Slavic Idea of Juraj Križanić // Harvard Ukrainian Studies. Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe / Ed. by I. Banac, F. Sysyn. Vol. X. № 3/4. December. 1986. P. 420–515.

References

- Gol'dberg, A. (1963), "Перевод", *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [перевод], vol. 19, Moscow, Leningrad, Russia, pp. 373–390.
- Golub, I. (1986), "The Slavic Idea of Juraj Križanić", *Harvard Ukrainian Studies. Concepts of Nationhood in Early Modern Eastern Europe*, Banac, I. and Sysyn, F., vol. 10. № 3/4. December, pp. 420–515.

Tolstoy, N. (1998), *Izbrannye trudy, tom 2, Slavyanskaya literaturno-yazykovaya situatsiya* [Selected writings, vol. 2, перевод], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskiy, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; modessky@mail.ru